

Ему «лететь охота». Делит он, как та «редкая птица», до середины, и... назад. Страшно. А вдруг не хватит полета? Но середина — не мера поэта. Он знает: «в царство грез проникают через арта из слоновой кости...».

Э.-Т.-А. Гофман. Его фантазии волновали русскую культуру. От Пушкина до Ахматовой. Розыгрыш Гоголя в «Невском проспекте», где даже есть некий Гофман («не писатель Гофман, но довольно хороший сапожник с Офицерской улицы»), только усилил это чувство. После «Пиковой дамы» Чайковского А. Бенуа вообще говорил о «гофмановщине на русский (петербургский) лад».

Ожидание Гофмана. Его тайна. Невдомое царство духа. Ожидание счастья с привкусом горькой иронии. И все-таки — волшебства. Сказки Гофмана всегда идут рядом. Недаром Анна Андреевна так мечтала об этой встрече: «Вечерней порою сгущается мгла, пусть Гофман со мною дойдет до угла».

Зимней вечерней порою лондонский театр «Ковент-гарден» с помощью телевидения предложил нам свидание со «Сказками Гофмана» Оффенбаха. Свое последнее «прости» композитор не случайно назвал «фантастической» оперой. Его тоска по романтизму разрешается наконец счастливой встречей с Гофманом. Гениальный писатель-фантазер — герой «Сказок» — становится для композитора образом уходящей романтической эпохи.

Лондонская постановка собрала выдающиеся артистические силы. Дирижер — Дж. Претр, режиссер — Дж. Шлезингер,

вописи, условные знаки романтического искусства. Обаяние тайны — особое дыхание спектакля.

Изысканность современного взгляда обеспечена рафинированной театральностью художника и режиссера — В. Левенталя и А. Тителя. Незабываем «досочиненный» финал спектакля: под звуки баркароллы в последний раз медленно вращается сценический круг с героями и одновременно артистами, еще не расставшимися с тайной лицедейства. «Сказки Гофмана» в конце двадцатого века становятся сказками о романтизме и театре.

Один из поэтов-романтиков как-то обронил: «Искусство отличается от жизни, как вино от винограда». У нас нет ни того, ни другого. Но мысленно я выбираю вино. Я вспоминаю «Сказки Гофмана» в Свердловске.

Михаил МУГИНШТЕЙН.

зарубежный театр
Великобритания
Лондон
"Ковент-гарден"

Вечные сказки Гофмана

знаменитые певцы. Мобильные, эластичные оркестр и хор, с удовольствием принимающие стремительные решения дирижера в самой разнообразной палитре нюансов. Замечательные ансамбли, как, например, дуэт Джульетты и Николауса в начале венецианского акта — знаменитая баркаролла, которая обычно «укачивает» певцов на наших сценах. Отменное качество вокала практически всех солистов не нуждается в комментариях. И все-таки нельзя не сказать о несравненном П. Доминго в роли Гофмана. Драматически наполненное звучание его голоса просто покоряло. Во многом это шло от органичного решения роли. Особенно удалась ему пролог и эпилог, где грезящий о счастье поэт и несчастный в своем опьянении человек окончательно побеждали гранда оперной сцены.

Что же касается общего замысла, вытекающего из сути романтической оперы, то здесь вдруг восторг уступает место сомнению. Конечно, впечатляет изобилие на сцене постановочных решений. Богатая постановка. Вечный оппонент Гофмана — буржуазный прагматик-злодей Линдорф в замечательном исполнении Р. Ллойда, загримированного под Оффенбаха, — мог бы быть удовлетворен своим детищем. Его взгляд через лорнет Гофман не выдержал. В спектакле было много всего. Не было лишь, на мой взгляд (без лорнета), главного — романтической атмосферы. На сцене властвовал жесткий реализм. Современный акцент утверждал невозможность (а может, и ненужность?) мечты. Все просто и убедительно. Реальная жизнь побеждает искусство, проза — поэзию. Аллегорически-искусственное преобразование Николауса в единственно верную женщину — музу поэта — только подчеркнуло безысходность романтики сегодня. Духовные странствия закончены. Время «безумных» капельмейстеров и поэтов прошло. Неужели «Сказки Гофмана» стали «сказками Линдорфа»?!

Не случайно в этот вечер память уносила к прекрасным «Сказкам» Свердловского театра. Безусловно, уступая лондонскому варианту с музыкальной стороны и антуражности (возможности здесь несравнимы), он гораздо интереснее своей концепцией. Таинственный «атмосферный» спектакль пронизан ностальгией по романтизму. Постановщик волнует прежде всего духовный «сюжет» о волшебных метаморфозах театра, где жизнь становится игрой, а игра — самой жизнью. Тайна постановки — в подводных течениях. Ее обаяние — в наполненности культурными образами: оживающие картины старой жи-

ПОРА НАМ В ОПЕРУ

НЫНЕШНЕЕ тревожное время не расположено к романтическим иллюзиям. Но человек неисправим. Он волнуется и ждет. Тоскует о былом и грезит о несбыточном. Вспоминает будущее. Жизнь по капле выдавливала из него поэта, и все же... Не сидится ему на своем наместе.